

The illustration depicts a serene landscape. In the background, a large, dark mountain rises against a blue sky, topped with a white cross. To the right, a wooden church with a golden onion dome and a cross is visible. In the foreground, a man with a long white beard and a halo, wearing a dark purple robe, stands in a red wooden boat on a blue body of water. He holds a small white object in his hands. To the left, a campfire with bright yellow and orange flames is burning, with three dark, hooded figures sitting around it. In the middle ground, two reindeer are grazing on a green hill. The overall style is reminiscent of traditional Russian folk art or religious iconography.

П. А. РОССИЕВ

НА СЕВЕРЕ ДИКОМ

ПРЕП. ТРИФОН
ПЕЧЕНГСКИЙ

ЦЕРКОВНО-
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

П. А. Россиев
**На Севере диком. Церковно-
историческая повесть**

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31728056
ISBN 5-7789-0093-7

Аннотация

«Дальний Север, дикая пустыня... Куда ни обратится взор, везде видит топи и болота да голую землю или громады скалистых гор, вершины которых восходят к бледным небесам. Ничто не ласкает глаз, ничто не лелеет слух; ни соловьи, ни жаворонки, столь близкие сердцу русского человека, не залетают сюда...»

Содержание

Горькая пустыня	5
Дикая лопь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

На севере диком

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2000

* * *

Горькая пустыня

Дальний Север, дикая пустыня... Куда ни обратится взор, везде видит топи и болота да голую землю или громады скалистых гор, вершины которых восходят к бледным небесам. Ничто не ласкает глаз, ничто не лелеет слух; ни соловьи, ни жаворонки, столь близкие сердцу русского человека, не залетают сюда. Зима долгая, лето короткое, такое короткое, что промерзающая земля не успевает отогреться. Скупое улыбается солнце с полярного неба, по которому то и дело ходят серые тучи, подгоняемые ветром – ветру тут раздолье широкое. Горы темнеют, закрывая собою, быть может, лазурные края, где ярко светит солнце и улыбается природа, где благоухают цветы и легкий ветерок, порхая, шепчет что-то приятное... Лазурные края!.. О, нет, они далеко от этой дикой, безотрадной пустыни. Здесь все мрачно, тревожно, веет холодом и смертью.

Залегли топи и болота. В редких местах видится сосновый лесок, либо ельничек, либо корявая березка, пригибающаяся к зеленому мху. В лесках показываются медведи; помахая длинными пушистыми хвостами, бегают песцы, серые волки мелькают меж деревьев, сверкая глазами и скаля зубы на добычу. В болотах копошатся гады, на короткое лето сюда залетают гагары, чайка носится с резким криком, будто ищет она кого-то и не может найти.

Велика эта пустыня. Протянулась она вширь и даль на сотни верст, обрывается у Белого моря на западе, у Ледовитого океана – на севере. Сурово Белое море, студеное, страшен Ледовитый океан. Грозно море, когда на смену серпеню (августу) приходит зарник (сентябрь) и с высоких гор подымается буйный ветер, по-здешнему – «хвиюс». Мечется, ревет, воеет он, носясь над пустыней, разгоняет чаек и гагар по теплым гнездам, бурых медведей, серых волков и голубоватых песцов по берлогам и логовам и кидается к Белому морю. Хвиюс баламутит море, и оно бушует немилосердно, будто грозит этой пустыне, разбивая ревучие валы об огромные глыбы льда, гуляющего во мраке северной зимы. Ведь тут зима наступает рано – с зарником.

Закатывается солнце, что светило почти три месяца днем и ночью. Зябкая поросль пожелтела, свернулась под дыханием хвиюса. Стало сиверко (холодно). К концу зарника глубокий снег покрывает пустыню, леденеют горы, начинает завывать пурга.

Ночь воцарилась, и будет править она до Омельяна исповедника, который приходит вслед за Крещением Господним. До тех пор и солнце не взойдет. Сполохи (северное сияние) одни станут теперь озарять это мертвое царство, переливаясь целым морем всевозможных цветов и будто бросая бесчисленные искры на снежный полог тундры-пустыни с ее толстиками (горными кручами), наволоками (мысами) и сланкою (очень мелким кустарником).

Студеное море, бушуя, сливается с Ледовитым океаном, по серой поверхности которого бродят стамухи (ледяные горы). При луне они похожи на величественные, сказочные замки, чудесным образом будто созданные из разноцветных камней-самоцветов: красных, голубых, янтарных, зеленых, желтых, переливающихся всеми цветами радуги... На океанском просторе среди этих ледяных гор видны тюлени, плавающие со своими детенышами на толстых льдинах, качающихся на могучих волнах свободной стихии. Сполох вспыхнет, озарит небо – тюлени выплывают на холодный берег и резвятся. Они здесь одни: охотничья стрела не караулит ластиногих.

Хвиюс то словно немного смиряется, то вновь начинает дуть со страшной силой, будит пургу, и снег кружится над пустыней и превращает ее в первозданный хаос...

Вслед за груднем (ноябрем) пожаловал студень (декабрь). Затрещала Варюха, Савва заострил, Никола загвоздил. Медведь в берлоге еще глаз не открывал. Холодно!.. Спиридон по обыкновению пришел – солнцу бы поворот, а где оно, солнце-то? Еще с серпеном закатилось и до Омельяна не подыметса со своей алой постели.

Но вот сухой воротился. Пришел он, март, с дождями, туманами, непогодюю, да только уж вешнею. Запыхался март, дышит тяжело, прерывисто, но как ни дыхнет, все уж будто теплом повеет...

Сам хвиюс как бы от него сторонится: знает буйный ветер,

что не он друг и споспешник марта, а полуночник, шалоник, побережник – вот какие ветры. Сухий не на сиверко гнет, а на межонное время (лето). Пролетье: Евдокея весну сряжает, Герасим-грачевник, Алексей – с гор потоки...

Курятся туманы, падают дожди. Снег рыхлеет и понемногу оседает. К цветению (апрелю), глядишь, зачернеют проталины, над ними запрыгают грачи, закаркают вороны, отзовутся гагары, чайки, солдат-птицы, буревестники, ножеклювы и поморники.

Но Белое море по-прежнему бушует, по-прежнему разбивает свои ревучие валы о ледяные громады, которые к концу мая оно вынесет в Ледовитый океан на необъятный простор.

Травень (май). Весна наконец улыбнулась и дикой пустыне своею ласковой улыбкой. Тундра сбросила с себя снежный покров. Улегся хвиюс. Вон белым кружевом стелется ягель, вон показалась и робкая травка. Корявая березка застенчиво прикрывается листочками, соснячок и ельничек, смахнув зимнюю дрему и пушистый снег, зеленеют как-то особенно торжественно. И в этом робком, слабом проявлении жизни растений заключается, увы, вся красота обширной пустыни весною. Ни селений, ни хотя бы одиноких изб не видать. Живут ли здесь люди? Или это край, забытый человеком?

Но, чу, раздался тревожный крик!.. Он разбудил пустыню. Это не крик гагары, или чайки, или другой какой-нибудь птицы; это и не медвежье либо волчье рыкание. На зов от-

кликнулось несколько маленьких существ в оленьих шкурах и в таких же оленьих шапках. Они споро поднялись с земли, на которой сидели в кружок, и перевальчатой походкой направились в сторону встревожившего их крика. А окликнуло округу такое же странное, как и они, существо, стоявшее на коленях перед оленем посреди тундры.

Олень умирал.

Он лежал на мху, который сплошь покрывал тундру, и глазами, полными слез, смотрел на склонившееся над ним, одетое по примеру ветхозаветных людей, существо.

Ветвистые рога умирающего животного были закинута на спину. Олень не двигался, только задние ноги его с мягкими копытами время от времени подергивались. Животное дышало медленно и прерывисто.

Стоявший перед ним на коленях человек пристально всматривался в оленя, и его кроткие серые глаза также роняли слезы, бежавшие по смуглым щекам и терявшиеся в завитках редкой бороды. Судорога нет-нет да и сжимала его лицо. Казалось, этот человек навсегда расставался со своим лучшим, верным другом, терял все, что до сего времени его радовало и доставляло ему счастье.

Подошли остальные.

– Умирает олень? – спросил один из них.

Стоявший на коленях ничего не ответил на вопрос, он даже не обернулся к подошедшим таким же, как и он сам, людям.

– Да, олень умирает... умирает... – слышались голоса.

Олень доживал последние минуты. Он было приподнял голову, но она беспомощно упала. Ноги его стали еще сильнее подергиваться, слезы неудержимее потекли из глаз.

Стоявший на коленях человек подался всем телом вперед.

– Ильмаринен, – обратился к нему один из пришедших людей, – что же ты не собираешь его слез?

Ильмаринен – таково было имя стоявшего на коленях. Он вздрогнул и как-то безразлично отозвался:

– Ах, да, да...

И, достав из-за пазухи долбленную чашечку, стал собирать в нее слезы, текшие из глаз умирающего животного. По верованию этих детей северной пустыни, слезы умирающего оленя обладают чудесной силой и помогают в минуты тяжелых испытаний, которые судьба посылает людям на их жизненном пути. Собрав слезы, Ильмаринен сжал чашечку в руках, продолжая все так же неотрывно смотреть в глаза оленю. Наконец тот потянулся, еще раз поднял голову, но она опять упала, вновь встрепенулся и – остановил на людях свой враз помутившийся взгляд. В стаде одним оленем стало меньше.

Ильмаринен обнял мертвое животное, погладил по шее и со вздохом поднялся с колен.

– Нет оленя, – промолвил он.

– Мало их у нас! Эна, сколько бродит! – с уверенностью отвечал хрипловатый голос.

В самом деле, по тундре бродило большое оленье стадо,

пощипывая ягель. Высокие гранитные горы стояли цепью, которая в одном месте разрывалась, открывая вход в Печенгскую губу. Миль на девять протянулась эта губа и, образовав колено, вдавалась в материк. Вдали блеснуло зеркало озера.

Кроме Печенгской губы, далее, на запад, прошла Паза-губа. Громоздятся острова. Утонул в зелени мыс, словно богатый загородивший вход в Пазу-реку. Из синеватой дали доносится шум падунов (водопадов). Могучая, гордая, но дикая природа!

Между тем маленькие люди, одетые в олени шкуры, отошли от мертвого животного и вскоре исчезли: одни – в шалашах из древесных ветвей, другие – под землею в ямах с острыми крышами из торфяника. Иных жилищ здесь нет. Эти маленькие люди, кочуя по тундре со стадами оленей, не строят изб. Шалаш служит прекрасным убежищем в непогоду, яма – отличным укрытием от врага: разбойников, вольницы, финнов и новгородских добрых молодцев, которые не прочь заглянуть в эту далекую, горькую пустыню и поживиться у простодушных ее детей, даже не имеющих, чем защититься.

Занесет буйный хвюос чудь разбойную, ненасытную – пастухи и руки опускают. Знать, кебуны (колдуны и жрецы) не умолили «северного духа» предотвратить нашествие, или чудь сильнее, что ли, этого духа? Но коли нашла она, расплачивайся с нею, разбойною. И пастухи отдают оленей, шкуры животных и всякое наличное добро, сколько чудь потребует. А новгородские добрые молодцы или бездомная вольни-

ца явятся – тоже на страх пустыне...

– «Стало» пришли! Ой, «стало» пришли! – с ужасом повторяют маленькие обитатели пустыни и прямо забиваются уже в свои ямы, оставив на произвол судьбы стада. И сидят в этих ямах ни живы ни мертвы, пока «стало» хозяйничают, занимаясь грабежом.

– Ой, страшны «стало»!

Почему страшны? Потому что «стало» – это ведь дюжие мблодцы, закованные в сталь. Сами закованные в непроницаемые доспехи, они приносят с собою смертоносное оружие. Где же карликам бороться с богатырями? Но кто они, карлики? Кого обижают все пришельцы с мятежной душой и буйным нравом?

Это – «дикая лопь», по-нынешнему, лопари. Над этими-то дикарями-язычниками, над этой-то дальней и суровой страной и пролился свет веры Христовой. Новгородская сторона озарила этим светом дальний Север: из города Торжка пришел Апостол в народ лопарский. То был Митрофан, в иноческом постриге Трифон, просветитель лопарей, Печенгский чудотворец.

Дикая лопь

Среди народа Божия того времени, к которому относится наше повествование, то есть конца пятнадцатого и первой половины шестнадцатого века, ходили про дальний Север удивительные рассказы. Историк Н.М. Карамзин прямо говорит: «Уверяли, что там, на берегах океана, в горах, пылает неугасимый огонь чистилища; что в Лукоморье есть люди, которые ежегодно 27 ноября умирают, а 24 апреля оживают снова; что перед смертью они сносят свои товары в одно место, где соседи в течение зимы могут брать оные, за всякую вещь оставляя должную плату и не смея обманывать, ибо мертвецы, воскресая весной, рассчитываются с ними и всегда наказывают бессовестных; что там есть и другие странные люди, покрытые звериной шерстью, с собачьими головами, с лицом на груди, с длинными руками, но безногие; есть рыбы человекообразные, но только немые и прочее».

Это говорилось про лопарей, тех самых, что еще с начала одиннадцатого столетия платили дань Господину Великому Новгороду.

Он разделил их на двоеданных и троеданных и брал с них сперва шкурками пушного зверя и рыбой, а впоследствии уже деньгами. К дикой лопи приезжали новгородские пристава и собирали дань. Нечего и говорить, что люди в звериных шкурах не могли не казаться приставам дикими; о них

то они и слагали всякие басни, которые изрядно прикрашивались потом досужим народом. К тому, что рассказывали о лопарях миряне, монахи добавляли со своей стороны мрачное, безотрадное. В Соловецком монастыре сохранилась рукопись, в которой говорится: «Сие родове (то есть лопари), яко звери дикие, живут в пустынях непроходимых, в расселинах каменных, не имеют ни храма, ни иного чего, потребного к жительству человеческому, но только животными питаются: зверьми, и птицами, и морскими рыбами, одежда же их – шкура оленей. Отнюдь Бога истинного, единого и от Него посланного Иисуса Христа ни знать, ни разуметь не хотят, но им же кто когда чрево насытит, тот и бог для них. И если иногда кто камнем зверя убьет – камень почитает, а коли палкой поразит ловимое – палицу боготворит». Не совсем, впрочем, правильно записал соловецкий летописец. Когда над бушующими валами Белого моря воздвиглась Соловецкая обитель, то в нее стали приходиться и лопари.

– Что вас привело сюда? – спрашивали у них монахи. И пришедшие отвечали:

– Мы хотим остаться с вами, братия.

– В обители преподобных отцов Зосимы и Савватия? – удивлялись монахи. – Да что вам тут оставаться! Вы же привыкли к тундре, к оленьим стадам, к простору и вольной воле.

– Все оставляем, все выбрасываем из сердец наших, – отвечали лопари. – Хотим, подобно вам, посвятить себя исклю-

чительно молитве и посту.

– Как, вы хотите принять иноческий образ?!

– Да.

И принимали, и становились иноками лопари.

До великого князя Иоанна III они из года в год в определенное время поджидали сборщиков дани, и вряд ли у какого-нибудь пристава хватало когда-нибудь духу сказать, что лопарь увернулся от дани или что он его, пристава, провел. Этого не случалось. Лопь – дика, но честна. В летописи края недаром говорится: «На самом дальнем берегу океана живут лапландцы, народ чрезвычайно дикий, подозрительный и до того трусливый, что один след чужестранца или даже один вид корабля обращает их в бегство. Москвитяне не знают свойств этого народа. Торговля мехами производится без разговоров, потому что лапландцы избегают чужих взоров. Сличив покупаемые ими товары с мехами, они оставляют меха на месте, а купленное уносят, и такая заочная торговля производится с чрезвычайною честностью».

Начиная с Иоанна III, лопари сами в лице своих старшин привозят дань, только уже не Господину Великому Новгороду, а покорившей его Москве. Они имеют теперь дело не с какими-то приставами, а с «великим князем и царем», как любил называть себя Иоанн III. Лопь в Москве... Перешагнуть в Иоаннов град из пустынной, голой, угрюмой тундры было равносильно тому, что попасть в рай.

Известно, что с воцарением Иоанна III собственно и нача-

лось русское государство, вспыхнула заря новой жизни русского народа. Иоанн достиг полного блеска верховной власти. Его первого Русь сочла, а иностранцы назвали «великим». Пышность и великолепие сопровождали этого кузнеца на троне, мощно ковавшего Россию, которая все росла и росла, захватывая под свою власть на севере, востоке, юге и западе все новые и новые земли. При нем Москва принарядилась, приукрасилась и пышно расцвела под руками своих и иноземных мастеров, призванных по воле великого государя.

Из Твери, Вятки, Рязани, Новгорода, Перми и из старинных русских волостей, захваченных было Литвой, шел селиться в Москву служилый и всякий люд, неся с собою свои дарования, свои вкусы, свои богатства и сокровища. Доиоанновская Москва обветшала. Пустырям и пустопорожным местам, поросшим крапивой, отавой или бурьяном, приходил конец.

Из Пскова пришли на княжий зов каменщики; из Венеции, Милана, Любека приехали итальянские и немецкие палатные и стенные мастера, прибыл знаменитый зодчий Аристотель Фиоравенти – и закипела в Москве работа. Одна за другой строятся церкви. Где были пустыри, там теперь тянутся улицы; на месте лачуг, гляди, красуются терема; где стояли палаты, там уж высятся дворцы. Фрязины (под которыми подразумевались вообще все иностранные мастера) с какой-то лихорадочной поспешностью украшают московские

здания: фряжская живопись видится на стенах храмов, дворцов и палат. Далматский золотых дел мастер изготавливает для царя Иоанна сосуды. Все, что непышно, некрепко, не выходит из ряда вон – все из московского обихода изгоняется.

– Хором-то, вишь, уж не строят на Москве, – говорят заезжие люди.

– Что ж, москвитяне без хором, что ли, обходятся?

– Заместо хором палаты воздвигают...

– А какая разница? Хоромы, палаты – все равно, чай...

– То-то, что не все равно. Палаты – фряжское мастерство, непременно из камня, а хоромы, известно, деревянные, с вышками да сенцами, да гриднями. На Москве ноне все вновь идет. Тесно ей стало в самой себе, ну так...

– Так что?

– Так церкви старые, извечные из города вон выносят...

– Впрямь?

– Да-а. А монастыри старинные с мест переставлены...

– Ахти! Да неужели?

– Истинно. А кости мертвых вынесены за Дорогомилово...

– Ай, и кости потревожены! О, Господи!

Посажены новые сады – Москва зазеленела. Город принял величественный вид. Лопари, как ни дики они были, все-таки не могли не дивиться московской красе. Не им, невежественным поморянам, было разбираться, как какой храм построен на Москве и что значит церковь крестчатая, или

коробовая, или стрельчатая. Они и слыхом не слыхали о каких-то индийском, ломбардском и мавританском стилях! Попадая в Москву, лопь в восхищении замирала перед великолепием дворцов и хоромов и, не скрывая восторга, простодушно вопрошала москвитян:

– И откуда у вас сие?

– Божие благословение, – отвечали те.

– Да, велик ваш Бог, – соглашались лопари, – щедр и милостив.

– Что ж, каждому по вере дается. Примите Святой Крещение, и вам Господь пошлет от щедрот Своих. Он всеблаг и многомилостив.

Все, что видела дикая лопь в Москве, ей и во сне не снилось. Жизнь москвитян представлялась им чудесной; взирая на них, лопари остро ощущали нищету и убогость своего существования. В Москве они воочию убеждались, что их жизнь, в привычном для них устройении, так же бессмысленна, как и существование неразлучных с ними оленей. В конце концов, раздумье брало верх. Дикарями мало-помалу стала овладевать жажда иной жизни, жажда света, жажда христианства. Побывавшие в Москве рассказывали, возвратившись в тундру, про чудный город и про милости и щедроты христианского Бога. Души восторжались. Уже от одних только рассказов веяло каким-то приятным, особенно сладостным теплом. Вера в своих богов поколебалась. Напрасно кебуны, узнав об этом, грозили северным пастухам мстью

идолов и злого духа, напрасно прочили гибель всех стад, если отступники не образумятся. Лопари поступили по зову сердца – послали старейшин своих к великому князю, «моля его дать им учителей христианских».

Шел 1527 год. В это время княжил уже Василий III, сын Иоанна III. Старейшины лопарские, принеся обычную дань, передали ему и мольбу от себя и от уполномочивших их поморян. Приняв прошение, великий князь повелел новгородскому архиепископу Макарию – знаменитому в истории Русской Церкви Святителю – отправить в Лукоморье иерея тамошнего Софийского собора с диаконом, которые и просветили бы поморян светом евангельской истины. Посланные немало потрудились среди лапландцев, живших при устье реки Нивы и Кандалакшской губы. Но, кроме этих лопарей, были еще Кольские, которые через несколько лет также изъявили владыке Макарию желание креститься и «с великим усердием приняли священников. Однако, веруя во Христа, сей народ, – как замечает историк Н. М. Карамзин, – продолжал обожествлять солнце, луну, звёзды, озера, источники, реки, леса, камни, горы, имел жрецов... и, ходя в церкви христианские, не изменял и своим кумирам. Архиепископ Макарий и послал туда умного монаха Илию с наставительной грамотой к жителям, которые, уверяя его в своей верности христианству, говорили, что они не смеют коснуться своих идолов, хранимых ужасными духами».

– Вот наши леса, – говорили лопари, – они священные.

Мы поклоняемся им, так как в них обитают грозные духи. Они жестоко наказали бы того, кто сорвал бы хоть одну ветвь с дерева.

Как бы в ответ Илия не только сорвал, но и зажег сперва одну ветвь из священного для них леса, затем другую, еще и еще...

Лопари пришли в ужас.

– На что ты осмелился? – восклицали они. – Ты... ты не боишься кары лесного духа?

– Я боюсь кары истинного Бога, – отвечал монах. – Я не признаю ни горных, ни лесных духов, ни русалок. И ваши леса – простые леса, созданные волею Всемогущего Бога.

Тем временем сломанные ветви горели. И что же! Илия оставался цел и невредим.

– Кому вы молитесь? – обратился он к лопарям.

– Мы поклоняемся кумирам, – отвечали они и указывали на грубые каменные фигуры, сделанные неумелыми руками кебунов.

– *Не сотвори себе кумира* — вот что говорится в истинном Священном Писании, – промолвил монах Илия.

Поселившись на Коле, он стал проповедовать слово Божие, сокрушать языческие жертвенники, бросать в море истуканов. Тщетно жрецы грозили ему мстью сокрушаемых им богов, напрасно они накликали на него смерть. Илия делал и делал свое дело, возвещая слово Истины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.